

А. А. КИРЗЮК

Политический анекдот в контексте позднесоветской культуры

<Фрагменты>

О советском политическом анекдоте говорят сейчас как о совершенно уникальном, специфическом явлении, не имеющем аналогов в других культурах. Расцвет его пришелся на период «застоя».

Традиционно под анекдотом понимается «жанр городского устного творчества, представляющий собой мини-новеллу юмористического характера». Мы здесь будем понимать анекдот несколько шире, включая в него не только мини-новеллы, но и различные «переделки», обыгрывания штампов официальной речи, идеологически нагруженных текстов песен и т. д. — такие, например, как «Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью».

<...>

Закат этого жанра относят к началу 90-х и обычно связывают с исчезновением цензуры. Многими авторами отмечается, что политический анекдот был актуален и функционален только в системе идеологической цензуры. Надо сказать, что по законам жанра анекдот вообще нуждается в цензуре, в тех или иных табу, поскольку он всегда предполагает переход в запретную зону, нарушение неких границ. С тем, что политический анекдот и политическая цензура связаны, сложно не согласиться, однако, это объясняет феномен анекдота весьма односторонне — как следствие массового недовольства режимом. В свою очередь, рассмотрение анекдота только как формы политического протеста не скажет нам о создавшей его культуре ничего, кроме того, что она существовала в условиях цензуры и подавления инакомыслия. К тому же, подавление и цензура существовали и в 1930-е годы, тогда же существовали и политические анекдоты, но столь широкое распространение этот жанр получил именно в позднесоветское время. Возможно, для этого был необходим какой-то особый баланс

свободы и несвободы (как в анекдоте про «уцененный анекдот», за который «раньше давали 10 лет, а теперь дают 3 года»). Но он (этот баланс) не был ни определяющим фактором для развития жанра, ни источником его специфики.

<...>

Результаты социологических исследований, которые проводились в рамках проекта «Общественное мнение» (под руководством Б. Грушина)¹ в начале 1970-х годов, свидетельствовали о наличии в обществе оппозиционного сознания, носителями которого были не отдельные диссиденты, а самые что ни на есть «широкие народные массы». В книге «Эпоха Брежнева»² Б. Грушин констатирует снижение интереса людей к политике и морали, снижение политической и общей социальной активности и заметное усиление несогласия людей с официальным толкованием вещей. Нарастающее равнодушие или оппозиционность людей по отношению к ценностям, утверждаемым идеологией, сопровождалось «ростом недоверия к официальным источникам информации»*, которому, в свою очередь, сопутствовало дистанцирование людей от языка, на котором эти источники говорили. «Из народного, особенно молодежного, лексикона практически полностью выпали все слова и словосочетания, связанные с так называемым «строительством коммунистического общества (если, конечно, не считать бойкого использования этой терминологии в анекдотах)**».

<...>

Что же представлял из себя официальный язык, посредством которого осуществлялось «идеологическое воспитание» советского человека? <...> При чтении прессы 1970-х годов возникает ощущение абсолютной оторванности газетных текстов от реальностей не только советской жизни, но и от какой-либо действительной жизни вообще. «Оторванность» — даже не вполне точное слово. Точнее будет сказать, что происходившие в стране и в мире события (то, что можно обозначить как «действительность») и то, о чем говорилось официальным языком (не только в газетах, но и в разного рода речах, выступлениях, лозунгах, докладах и лекциях политических деятелей), составляли две параллельные реальности. Официальный язык — «это язык, в котором слова обозначают не конкретные вещи, но некие символы или условности, принятые в государственном обиходе, но не имеющие никакого

---

* Грушин Б. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Эпоха Брежнева: Ч. 2. М., 2006.

** Там же.

отношения к реальности»*. Официальный язык описывает никем не виданный мир, который населяют «люди труда и долга», в котором «советский народ» всегда «полон энергии, бодрости и энтузиазма» и «с глубоким оптимизмом смотрит вперед»; в котором перевыполняются планы, и праздники отмечаются исключительно «новыми трудовыми свершениями»; в котором решения партии встречают «горячий отклик» или «единодушную поддержку» у каждого советского человека. Если вспомнить образ Брежнева в политическом фольклоре застойных времен, то станет ясно, что фраза «горячее одобрение и единодушную поддержку у всех советских людей вызвал доклад генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева» не имела никакого отношения к тому, что обычно называют «действительностью».

Нетрудно также заметить, что о чем бы ни шла речь в советских газетах 1970-х годов — о награждении ли Брежнева орденом «Победа», о праздновании годовщины Октября, о международном положении или о тружениках некоего завода — используются одни и те же речевые клише и готовые грамматические конструкции. Также язык газетной статьи или политической речи лишь в очень малой мере зависит от автора текста. Например, доклад Косыгина на 25-м съезде КПСС в отношении лексики и стиля ничем не отличается от доклада Брежнева. В этом можно увидеть своего рода «смерть автора»: официальный текст наглядно демонстрирует, что говорит не автор, а, по выражению Р. Барта³, «язык как таковой»**.

<...>

Чтобы оценить степень клишированности этого языка, достаточно открыть, скажем, материалы 25-го съезда КПСС, взять карандаш и подчеркнуть все речевые штампы на нескольких произвольно выбранных страницах. Проведя этот несложный эксперимент, можно убедиться, что намного труднее отыскивать фрагменты текста, свободные от штампа: текст оказывается почти сплошь подчеркнутым.

<...>

Перенасыщенность идеологической речи готовыми речевыми шаблонами вкупе с его необоснованной «возвышенностью» позволяют утверждать, что этот язык не просто описывал нечто, создающее неверное представление о действительности, то есть не лгал в точном смысле этого слова. В определенном смысле «нельзя

---

* Синявский А. Основы советской цивилизации. М., 2001.

** Барт Р. Смерть автора / Избранные работы: семиотика, поэтика. М., 1994. С. 385.

обвинять коммунистическую идеологию во лжи, поскольку она создает тот самый мир, который и описывает»*. В эпоху зрелого социализма истершиеся в пропагандистском обороте слова не сообщали уже ни истины, ни лжи, они не сообщали ничего. <...> Фактическое подтверждение этому можно найти в выводах, сделанных Б. Грушиным по результатам опроса «Горожане в процессе потребления массовой информации и пропаганды». В результате опроса был выявлен довольно низкий уровень понимания реципиентами материалов прессы. Так, «треть читателей ошибочно толковали или же вовсе не знали слов, игравших ключевые роли в лексиконе Агитпропа»**. К примеру, в годы проведения опроса (1971 г.) «нельзя было найти ни одного международного обозрения, которое обходилось бы без использования слова “бундесвер”, между тем как 9 из 10 (!) читателей не имели ни малейшего понятия о том, что оно означает»***. Газетный или пропагандистский штамп ко времени «застоя» затирается до такой степени, что перестает восприниматься как несущий какую-то информацию (истинную или ложную), а воспринимается как пустая, нужная лишь из ритуальных соображений форма — а потому не понимается вообще, или же наделяется произвольными, неверными, с точки зрения составителя текста, значениями.

<...>

Действительно, шутки вроде «а кто такой Слава КПСС?» говорят о том, что в лозунгах и речевых клише уже не содержится никакого смысла. То есть лозунг «Слава КПСС!» знак, за которым нет означаемого, в чистом виде симулякр, пустой знак. Обесмысленность, идеологического текста прекрасно демонстрирует следующий анекдот. «Приходит человек в Политбюро и спрашивает: — Где «это»? — Что «это»? — Ну, в песне поется: «и как один умрем в борьбе за это». Так где «это»?

<...>

Официальный язык эпохи «развитого социализма» как раз и конструировал такую самодостаточную реальность, совершенно не предполагавшую соотнесения с какими-либо объективно существующими референтами, с фактами действительности. Это предельно очень чистое, завершенное в себе высказывание, о котором заведомо известно, что он ни к кому не обращается, ничему не соответствует, ничего не означает. Иллюстрацией тут может

---

* Эпштейн М. Истоки и смысл русского постмодернизма // Звезда. 1996. № 8. С. 168.

** Грушин Б. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения...

*** Эпштейн М. Истоки и смысл русского постмодернизма. С. 168.

послужить кадр из мультфильма «Ограбление по...» (Союзмультфильм, 1978): над сбербанком, который закрыт то на санитарный день, то на обед, то на длительный ремонт (так что бандитам никак не удастся его ограбить), и в здание которого вообще в итоге переезжает пункт милиции, реет призыв «Храните деньги в сберегательных кассах!». Практически любой фрагмент газетного или вообще официального текста эпохи «развитого социализма» подобен этому призыву над действующим банком.

Но именно такая пустота знака (программная для постмодернизма «открытость значения») позволяет наделять его произвольными значениями. Это и происходит в советском анекдоте. Новые значения, которыми наделяются речевые штампы в анекдоте, часто возникают в результате приема буквализации означаемого. Примеров анекдотов, построенных на таком приеме, можно привести множество. «Почему в магазинах не стало обуви? Потому что босиком легче догнать и перегнать Америку». Или: «Дойдем ли мы до коммунизма? Нет. — Почему же? — Так у нас ведь каждый съезд — поворотный» (вариант: «Почему мы так медленно движемся по генеральной линии партии? — Потому что у нас каждый съезд — поворот истории»). Или: «На вопрос анкеты «колебались ли вы в проведении генеральной линии партии», Рабинович ответил: «колебался вместе с линией». Или: «Самолет с американским шпионом разбился о высокий уровень нашей жизни».

Анекдот как будто пытается вложить в обесмыслившиеся, пустые слова официального дискурса хотя бы какое-то значение. Не случайно довольно распространенным началом анекдота было вопрошание о значении того или иного слова или формулы из пропагандистского словаря: «что такое коммунизм?» (ответов множество), или «что такое КПСС?» (ответ: «набор глухих согласных»), или «какие две системы несовместимы? (ответ: «социалистическая и нервная»). Иногда это новое значение образуется путем примерки штампа к действительности. Так, например, реальность (пусть и комически-абсурдную) приобретает понятие «коммунизм»: «Как мы будем жить при коммунизме? А так: у каждого будет свой телевизор и личный вертолет. Видишь по телевизору, что в Туле крупу дают, сядишь на вертолет и летишь в Тулу». Или: «При коммунизме в мясных магазинах появятся объявления: сегодня потребности в мясе не будет». В подгонке к реалиям экономики дефицита вполне ясный смысл обретает истрепанная пропагандой марксистская формулировка: «не дадут по потребностям — приворуют по способностям».

В соответствии с законами жанра, советский анекдот не обходится без дегероизации сакральных для официального дис-

курса фигур. В анекдотах 1970-х гг. официально-сакральной фигурой, подвергавшейся самому бесцеремонному осмеянию, был, конечно, Л. И. Брежнев. И это не случайно. Общим мотивом посвященных Брежневу анекдотов является декоративность генерального секретаря, его неспособность выполнять функции главы государства: все сюжеты, связанные с его дикцией, количеством орденов и чтением по бумажке сводятся, в конечном счете, именно к этому. Можно сказать, что фигура Леонида Ильича существовала в качестве исключительно ритуальной и была, как и слово «коммунизм» или лозунг «слава КПСС!», чистым означающим, не имеющим никакого референта в реальности; такой же имитацией несуществующего, как отчеты, планы, сообразительства, выборы и т. п. Ведь практически всем было ясно, что заслуги и таланты автора «Малой Земли» по большей части раздуты пропагандой, фиктивны. Анекдот демонстрировал симулятивную сущность этой фигуры. Вот один из наиболее репрезентативных в этом отношении примеров: «Товарищи, не верьте, когда говорят, что вместо меня по Москве возят чучело, говорит Брежнев. Это вместо чучела возят меня». Анекдотичность персонажа Брежнева заключалась в том же, в чем и смехогенность официального языка — в симулятивности, в отсутствии означаемого.

<...>

Анекдот меняет код прочтения идеологически нагруженно-го текста, что не только обнаруживает условность последнего, но и становится выходом за пределы смыслового горизонта идеологии. Так, для анекдотического взгляда на официальный текст не существует категорий «истины», «лжи», подлинной или неподлинной «свободы», «врага», «борьбы», которые являются основными смысловыми точками этого текста. «Президент СвОбода — это осознанная необходимость» (вариант: После братской помощи президент СвОбода переименовал фамилию на Осознанная Необходимость)⁴. Слово «свобода», являющееся по некой иронии истории одновременно и фамилией чехословацкого президентанаместника, поставленного после событий августа 1968-го года, здесь не несет тех «серьезных» смыслов, которыми оно нагружено в лозунге или в диссидентском обвинении.

<...>

Ситуацию языкового сопротивления идеологической реальности в позднесоветской культуре можно описать с помощью термина Р. Барта «язык-противник». Барт приходит к выводу, что разбить противника, т. е. разрушить язык нельзя, но его можно перехитрить: «по сути дела, не остается ничего, кроме как плутовать

с языком, дурачить язык»*. Это и делают политический анекдот и литература, которую сегодня принято называть литературой русского постмодернизма. Политический анекдот (и, шире, культура стеба) стал естественным порождением и одновременно выходом из ситуации, в которой «сам язык воспринимался как коррумпированное средство массовой дезинформации»**, прорывом замкнутого языкового круга. Было бы соблазнительно в этой связи порассуждать о роли анекдота в «расшатывании основ» советского государства. Поскольку в борьбе с властью смех действительно более эффективен, чем протест или обличение. Но такое рассуждение будет не вполне корректным: «эффективность» предполагает некое намерение или целеполагание. Анекдот же возник, потому что не мог не возникнуть в языковой ситуации эпохи «развитого социализма».

---

* *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика, поэтика. М., 1994. С. 550.

** *Бойм С.* Общие места. Мифология повседневной жизни. М., 2002.